

тым я слышал Шаляпина, который совершенно изменил отношение к содержанию и исполнению, и его новые интонации родили и новое искусство музыки и пения. Вот почему незабываемы эти спектакли, особенно когда пел Нежданова с Собиновым, когда пел Шаляпин, — это был венец мастерства величайшего. Я пользуюсь определением знатока этого искусства — Асафьева, который определил это высокое новое качество русского камерного пения именно по линии интонативности.

Вслед за этим разрешите коснуться некоторых отдельных образов, которые вы встретите в витринах. Образ такого героя, как Иван Сусанин, это образ доблести, чести и мужества; посмотрите, как по-новому зазвучало исполнение Шаляпина, связанное с необыкновенным искусством, с необыкновенной силой проникновения.

Мне, как художнику, хотелось обратить ваше внимание на одну сторону, которая связана с бутафорским, декорационным искусством, и которая играет огромное значение. Я сегодня вспомнил об этом, как о каком-то очень важном моменте. Федор Иванович играл в "Борисе Годунове" и по характеру мизансцены ему нужно было, чтобы на правой стороне стола лежала скатерть. Когда он в волнении выходил в дверь, он хватался за эту скатерть, как за опору, и стаскивал ее. И когда на репетиции произошла эта сцена, то он стал браниться, не в смысле брани, а это была требовательность. — Что же вы дали? Какую скатерть? — Да обыкновенную. — Какого она размера? Разве можно такую скатерть? — Это нормальный стол. — Нужно не нормальную скатерть, а соответствующую помещению. — Что же и стол надо ~~нормальный~~ сделать больше? — Да, и стол надо